

Д-р Дэйв Мэтьюсон, Герменевтика, лекция 12, центрирование текста

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

Мы обсуждали намерение автора как один из аспектов исторического подхода к интерпретации Священного Писания, который рассматривает задуманный автором смысл как основную цель интерпретации. Несколько исторических личностей, одно из которых, в частности, вам необходимо знать, связано с замыслом автора. Мы немного поговорили о Фридрихе Шлейермахере как об одной из важных фигур в поисках замысла автора как основной цели интерпретации. Полностью за пределами библейских исследований, но, что интересно, человеком, сыгравшим важную роль в изложении библеистами своего понимания намерений автора, является Э.Д. Хирш.

Э.Д. Хирш в своей ранней книге «Достоверность интерпретации» предположил, что необходимо различать смысл и значимость. Хирш сказал, что смысл — это то, что автор намеревался передать, как это записано в самом тексте. Это тот смысл, который вложил туда автор, тот смысл, который автор намеревался передать с помощью языковых символов, структуры текста, которая раскрывала то, что автор намеревался передать.

Так что первоначальный смысл текста был связан с замыслом автора. В отличие от слова Хирша, большинство библейских теологов и ученых назвали бы приложениями значение текста и связь этого значения практически со всем остальным. Они сказали бы, что смысл — это то, что автор изначально намеревался передать, а значение — в применении этого значения к современному контексту.

Таким образом, Хирш сыграл важную роль в установлении важности намерения автора, особенно раскрытого в тексте и переданного через текст, заложенного автором смысла, который автор хотел передать в тексте, в отличие от отношения этого значения к все остальное и другие ситуации, которые Хирш назвал значимыми. И вы часто увидите, что это различие между смыслом и значением используется, опять же, особенно библейскими толкователями, чтобы различать смысл текста и его постоянную актуальность и применение для современного читателя. Но мы сказали, что, хотя существует множество причин, которые использовались для аргументации намерения автора как достойной и необходимой цели в интерпретации, с другой стороны, некоторые отвергли намерение автора по разным причинам как действительное или даже обоснованное. необходимая или возможная цель интерпретации.

Прежде чем мы рассмотрим это, важно осознать, что большинство из тех, кто придерживается намерения автора, не обязательно думают, что это легко, автоматически или прямолинейно, или что можно полностью или идеально уловить намерение автора, хотя они все еще думают, что это возможно и необходимо. . Но есть и те, кто отвергает намерение автора как возможную или необходимую цель интерпретации. Так почему же некоторые отвергли замысел автора как цель интерпретации? Почему некоторые убеждены, что это недействительная или даже возможная цель интерпретации? И опять же, мой список не претендует на исчерпывающий характер, а просто отражает некоторые возможные возражения.

Прежде всего, некоторые отвергли намерение автора, потому что невозможно проникнуть в сознание автора и определить, что этот автор намеревается сообщить. Особенно с авторами, которых уже нет в живых, с ними невозможно проконсультироваться, чтобы точно определить, что они имели в виду. В некоторых ранних ответах на намерение автора было сформулировано так

называемое намеренное заблуждение, то есть попытка воспроизвести или восстановить мыслительный процесс автора или сознание автора, намерение автора, и то есть мышление автора рассматривается как недоступное.

Я помню, как однажды я разговаривал с известным исследователем Нового Завета в Англии, и я говорил с ним о его книге, книгу, которую он написал, и я процитировал предложение, и после того, как я процитировал его, он сказал: я правда это сказал? Интересно, что я имел в виду? Это заставило меня задуматься: если даже живые авторы иногда не знают или забывают, что они имели в виду, то насколько больше авторов, которых уже нет в живых, и особенно текст, написанный за 2000 или более лет до появления современных переводчиков. Поэтому некоторые говорят, что по таким причинам невозможно проникнуть в сознание автора, потому что невозможно понять, что автор думал и намеревался, особенно авторы, которых уже нет в живых, чтобы рассказать нам, что восстановление авторских прав намерение невозможно.

Опять же, это часто называют преднамеренной ошибкой. Вторая причина заключается в том, что автор может не суметь адекватно изложить информацию. То есть некоторые авторы могут быть некомпетентны.

Некоторые авторы могут плохо общаться, сообщать то, что не собирались говорить. Они могут не выражать ясно или адекватно то, что пытаются донести и что хотят сказать, и могут даже время от времени вводить читателей в заблуждение, даже непреднамеренно. Таким образом, намерение автора является непоправимым, невозможным или ненужным.

Другое возражение состоит в том, что иногда авторы могут сообщать лучше, чем они думают. То есть автор может что-то сказать, а вы можете пойти к этому автору и спросить: вы это имели в виду? И ответ автора может быть примерно

таким, и вы, возможно, это слышали: нет, я не хотел этого, но это, безусловно, имеет смысл, и я бы принял это как правильное прочтение или интерпретацию того, что я сказал. Ряд авторов написали книги, в частности ту, о которой я имею в виду, в которой зафиксированы примеры того, как студенты читали их текст, читали их работы и придумывали интерпретации, которые автор никогда не намеревался иметь в виду, но которые все же считали действительными. понимание и понимание этого текста.

И опять же, может быть, вы сталкивались с тем, что когда вы что-то сказали, кто-то истолковал это и спросил: «Вы имели в виду это?» И вы ответили: нет, я не хотел этого, но это правильное понимание того, что я сказал. Я бы принял это как истинное понимание того, что я сказал. Итак, поскольку иногда авторы коммуницируют лучше, чем они думают, а читатели иногда находят в тексте вещи, которые авторы не предполагали, но, тем не менее, согласились бы, что это верная интерпретация и значение в тексте, тем более, опять же, с мертвыми авторами, авторы, которых здесь нет, чтобы сказать нам, имели ли они в виду это значение или нет, или даже если они этого не сделали, то это значение все еще актуально.

Итак, поскольку авторы часто общаются, даже сегодня мы общаемся иногда лучше, чем знаем, некоторые полагают, что намерение автора невозможно восстановить или, по крайней мере, оно ненужно. Другая причина, и опять же, не все из них связаны между собой, некоторые из них связаны между собой, но еще одна причина, которая в первую очередь обязана своим происхождением большому количеству литературных исследований, заключающихся в том, что тексты рассматриваются как свободно плавающие, живущие своей собственной жизнью. Как только автор пишет текст, он теперь отрезан от жизни автора и живет своей жизнью.

То есть автор больше не имеет права голоса в определении его точного значения. Текст теперь живет своей собственной жизнью, и читатели, возможно, смогут разобраться в тексте и найти разные значения. И так, еще раз, поскольку тексты автономны, они представляют собой свободно плавающие сущности, живущие своей собственной жизнью, тогда намерение автора невозможно восстановить или, по крайней мере, недопустимо ограничиваться намерением автора.

Некоторые, кто думает, что намерение автора все еще является действительной целью, могут все же предположить, но мы не можем ограничивать это только намерением автора. Пятое возражение может заключаться в том, что переводчики часто придумывают разные значения и разные интерпретации одного и того же текста. Если намерение автора действительно было основной целью, действительно действительной и исправимой целью, то почему интерпретаторы придумывают разные интерпретации текста? Так почему же кто-то читает Бытие 1 и 2 и убежден в семибуквальном 24-часовом периоде творения, почему другие читают тот же текст и видят в нем ссылку на что-то, происходящее в течение гораздо более длительного периода времени? время? Почему некоторые читатели читают Откровение 20 и отрывок из «Тысячелетия» и убеждены, что они учат премиллениаризму, в то время как другие читатели, читающие тот же текст, следуя замыслу автора, убеждены в амиллениаризме? Или почему некоторые читатели читают 6-ю главу Послания к Евреям, известное предупреждение в 6-й главе Послания к Евреям, и убеждены, что она соответствует арминианской точке зрения, а другие читают тот же текст и убеждены, что он поддерживает кальвинизм? Или некоторые читают известные гендерные отрывки в 1 Коринфянам 11 и 1 Тимофею 2, а некоторые убеждены, что это позволяет женщинам участвовать в любой форме служения, включая рукоположение и функционирование старших пасторов, в то время как другие

читают тот же текст, говоря: согласно замыслу автора, и видят в этом ограничение ролей, которые женщины должны играть в служении.

Итак, поскольку толкователи придумывают разные значения и интерпретации текста, некоторые могли бы предположить, что те читатели, которые ищут намерение автора, рассматривая Библию как Слово Божье, придумывают разные интерпретации, кто нашел намерение автора, некоторые могли бы прийти к выводу, что намерение автора необратимо. И наконец, опять же, могут быть и другие, могут быть и другие примеры, на которые мы могли бы указать, но авторы Нового Завета, кажется, сами часто находят новые значения в текстах Ветхого Завета. Например, в 1 Коринфянам, глава 10, с 1 по 5, 1 Коринфянам, глава 10, с 1 по 5, где Павел обращается к одной из многих проблем, которые он затрагивает в коринфской церкви, сравнивает своих читателей с ветхозаветным поколением народа Божьего, поскольку они вышли из Исхода и прошли пустыню, и вот что говорит Павел, ибо я не хочу, чтобы вы остались в неведении о том, братья, что отцы наши все были под облаком, и что все они прошли сквозь море.

Все они крестились в Моисея в облаке и в море. Все они ели одну и ту же духовную пищу. Помните, когда Бог накормил израильтян манной и когда Бог заставил воду выйти из скалы? Теперь послушайте это, и они пили одно и то же духовное питье, ибо они пили из духовной скалы, которая сопровождала их, и этой скалой был Христос.

Я призываю вас вернуться и прочитать исходное повествование и найти четкое упоминание об Иисусе Христе, когда израильтяне блуждали по пустыне.

Поэтому некоторые могли бы сказать, что на основании подобных примеров или Матфея 1:23, где Матфей цитирует текст из Исаи, глава 7, обещание девы, которая зачнёт и родит сына, Матфей цитирует это как исполнившееся в Иисусе:

личность Иисуса Христа. Однако если вы вернетесь к исходному контексту Исайи, по крайней мере на первый взгляд, это не будет христологическим текстом или предсказанием пришествия Мессии.

И поэтому некоторые, глядя на подобные примеры и другие, говорили, что даже авторы Нового Завета, похоже, не были заинтересованы в извлечении задуманного автором смысла из Ветхого Завета. Таким образом, из этого следует вывод, что некоторые часто говорят, что намерение автора является ненужным или невозможным для восстановления или недействительным, или, по крайней мере, мы не можем ограничивать интерпретацию и значение только намерением автора. Итак, учитывая эти две точки зрения, что нам следует сказать или что нам следует делать с намерением автора? Что нам следует сказать по этому поводу? Является ли намерение автора по-прежнему действительной и необходимой целью? Позвольте мне сделать лишь несколько замечаний о намерении автора, которые наводят на мысль, что намерение автора по-прежнему является достойной, необходимой и действительной целью.

Прежде всего, даже если мы не делаем этого и не преследуем его так же, как это делал Шлейермахер, или так, как это иногда рассматривалось или преследовалось в прошлом, но, прежде всего, первое наблюдение, которое я хотел бы сделать Мне кажется, что если Библия действительно является богодухновенным словом, если текст, который мы имеем, является не чем иным, как человеческим продуктом, а также продуктом божественным, то это наводит меня на мысль, что намерение автора по-прежнему является действительным и необходимая цель. Если Бог стоит за Своим словом, должен быть какой-то устойчивый смысл, которого можно достичь. То есть должен быть смысл, который Бог вложил туда, который Он намеревается передать своему народу, и который Он должен был создать нас, чтобы мы могли его понять.

И более того, когда вы читаете текст Священного Писания, Бог явно ожидает, что Его народ будет подчиняться Его слову и реагировать на него, так что полный скептицизм в отношении значения и намерений автора или агностицизм в отношении восстановления смысла кажутся несовместимыми с вдохновением Священного Писания как Божье слово. Как мы увидим, это не означает, что это легко и что никогда не бывает разногласий. Это не означает, что смысл может быть полностью или полностью восстановлен, но, безусловно, он по-прежнему остается действительной целью, поскольку, учитывая природу Слова Божьего как Священного Писания, которому Бог желает, чтобы его народ подчинился, это предполагает, что Бог должен иметь смысл. Он поместил в него то, что хочет, чтобы люди поняли.

Во-вторых, я думаю, когда мы понимаем замысел автора, нам нужно понять, что цель не в том, чтобы восстановить психологический мыслительный процесс автора. В более поздних объяснениях и изложениях намерений автора этого старались избежать. Цель не в том, чтобы раскрыть мыслительный процесс, психологическое состояние или намерение автора, но единственный доступ, который у нас есть к автору, — это продукт, текст, который автор написал и который он или она создал.

Так что, когда мы думаем о замысле автора, я думаю, нам нужно быть немного более тонкими. Это смысл, который автор закодировал в тексте. Текст — единственное имеющееся у нас свидетельство того, что автор пытался сделать и что он пытался донести.

Опять же, предполагается, что автор пытался что-то сообщить в определенном месте и в определенное время, а текст представляет собой запись исторического коммуникативного акта со стороны автора к читателю. Итак, мы

можем раскрыть этот поступок. Мы можем исследовать, объяснять, изучать и раскрывать то, что пытался сделать автор, рассматривая текст, который он создал.

Мы можем раскрыть то, что, скорее всего, имел в виду автор, исходя из того, что раскрыто в грамматике текста, раскрыто в структуре текста. Другими словами, как и другие исторические документы или другие исторические события, текст представляет собой отчет о намерении автора что-то сделать, сообщить что-то, отчет об интенциональном коммуникативном акте автора. И поэтому цель состоит в том, чтобы понять этот поступок как можно лучше.

Таким образом, не обязательно проникать в сознание автора или каким-то образом проникать в него, чтобы сопереживать автору, а понимать, что текст говорит о намерении автора что-то сообщить. Третье замечание относительно намерений автора заключается в том, что цель не состоит в том, чтобы быть исчерпывающим или совершенным в нашем понимании. То есть цель намерения автора состоит не в том, чтобы предположить, что мы каким-то образом можем исчерпывающе или полностью понять задуманный автором смысл, а в том, что мы можем сделать это существенно и адекватно в нашей интерпретации.

Таким образом, нам нужно осознавать, что нельзя путать исчерпывающее объяснение с исчерпывающим объяснением смысла автора с возможностью сделать это по существу. Тот факт, что мы не можем полностью и исчерпывающе раскрыть смысл автора, не означает, что мы не можем этого сделать в какой-то степени. Итак, еще раз, нам нужно быть более тонкими в понимании замысла автора.

В-четвёртых, герменевтику подозрения, я думаю, следует заменить герменевтикой уважения. То есть вместо того, чтобы подходить к тексту с подозрением в том, что мы можем обнаружить замысел автора, или прямо отвергать его, его необходимо заменить герменевтикой уважения. Уважение к древнему автору, уважение к древнему тексту, уважение к древнему контексту требует, чтобы мы отдавали ему приоритет в нашей интерпретации.

Так что, я думаю, есть смысл в значимом различии, о котором мы говорили в отношении Хирша. Что смысл состоит в том, чтобы позволить тексту говорить, осознавая, что этот текст был создан автором в определенном историческом контексте для определенной цели, и что каким-то образом мы можем существенно, если не неадекватно, если не идеально и исчерпывающе, восстановить это. И это можно отличать от значимости, от того, как это имеет постоянную связь с разными контекстами, разными читателями и разными ситуациями.

Опять же, то, что евангелисты часто называют применением. Поэтому герменевтику подозрения следует заменить герменевтикой уважения. Уважение к тексту, автору, который его создал, историческим обстоятельствам и контексту, в котором был создан текст, в котором он был создан.

В-пятых, вероятно, есть некоторая ценность в аргументе о том, что любые аргументы о недействительности намерений автора логически обречены на провал. Опять же, большинство людей, которые высказывают подобные мысли, спорят так, как они ожидают, что их поймут, и они спорят так, чтобы общаться. То есть мы пишем, чтобы нас поняли, а чтение библейского текста и его интерпретация должны, по крайней мере, позволить автору попытаться говорить и понять, что автор пытался сделать с этим текстом.

Последний, даже когда разногласия действительно имеют место, будь то по вопросу Тысячелетия, или по вопросу женщин в служении, или по вопросу о том, действительны ли сегодня харизматические дары, такие как говорение на языках, пророчества и чудеса . или нет, даже те, кто спорит, не согласны с этим, все равно пытаются обосновать свою интерпретацию на тексте и на том, что, по их мнению, имел в виду автор, в отличие от того, чтобы просто рассматривать текст как видя интерпретацию как нечто доступное для всех и что-либо еще. - идет. Итак, намерение автора как цель интерпретации, один текст по герменевтике объясняется следующим образом. Я думаю, что это будет полезным способом объяснить, какова цель интерпретации, как мы понимаем намерение автора, если один текст изложит это так, намерение автора. Тогда цель интерпретации состоит в том, чтобы прийти к смыслу текста. Смысл текста — это то, что слова и грамматические конструкции этого текста раскрывают вероятные намерения автора-редактора и вероятное понимание этого текста его предполагаемыми читателями.

Я прочитаю это еще раз, смысл текста - это то, что слова и грамматические конструкции этого текста раскрывают о вероятном намерении автора-редактора и вероятном понимании этого текста предполагаемыми читателями. Позвольте мне сделать пару комментариев по поводу этого определения или описания. Прежде всего, обратите внимание, что оно основано на самом тексте.

Обратите внимание, что цель состоит не в том, чтобы восстановить намерение автора, а также мыслительный процесс или то, что было у автора в голове. Целью здесь является определить, что текст раскрывает намерения автора. Это формулировка текста, грамматическая конструкция текста, и я бы еще добавил то, что мы можем знать об исторических обстоятельствах, окружающих текст.

Все это раскрывает кое-что о замысле автора. Но, кроме того, обратите внимание на язык вероятности. Это определение избегает языка исчерпываемости или каким-то образом совершенно или с абсолютной уверенностью, или что каким-то образом мы раскрываем замысел автора и все готово, мы можем быть уверены, что пришли к нему.

Но мне нравится язык вероятности. Цель состоит в том, чтобы раскрыть вероятное намерение автора или редактора. Опять же, иногда тексты могли быть составлены редактором, но, понимая вероятный замысел, он привязывается к самому тексту путем рассмотрения структуры, грамматического строя текста, формулировок и опять же исторических обстоятельств.

Даже то, что пытались сообщить первоначальные читатели, для которых писал автор, что они, вероятно, поняли бы в свете того, что автор находился в пределах горизонта читателя, можно прийти к вероятному намерению автора. Опять же, это наводит на мысль, что абсолютная уверенность ускользает от нас, если автор не говорит нам, что именно он имел в виду. И как пример, который я привел совсем недавно в своем разговоре с известным исследователем Нового Завета, пример, который я привел, показывает, что иногда даже ныне живущие авторы не совсем уверены в том, что они имели в виду или что именно они имели в виду.

Таким образом, это позволяет избежать языка абсолютной уверенности и понимания того, что, поскольку у нас нет, потому что мы отделены двумя или более тысячелетиями от текста, из-за некоторых расстояний между нами и исходным контекстом, потому что автор больше не здесь, все, что у нас есть, это сам текст, и поэтому, рассматривая текст, мы можем прийти к высокой степени вероятности того, что наша интерпретация соответствует тому, что имел в виду автор. Я бы сказал, интерпретация: любая интерпретация действительна, если

она отвечает на вопрос, что можно обосновать из самого текста и что мы можем знать об оригинальном авторе, его контексте и его читателях. И опять же по самому тексту, который включал бы структуру текста, грамматику, но, помещая его в его контекст, все, что мы можем знать об авторе, исторической ситуации в контексте, читателях, грамматике, структуре текста, контекст, что можно обосновать на основе этих данных.

Так что это призыв проявить уважение, отдать приоритет первоначальному акту общения в его исходном контексте. Что бы еще мы ни делали с текстом, как бы мы его ни применяли, как бы мы его ни использовали, мне кажется, что разумной и необходимой целью является начать с вопроса, что, скорее всего, автор намеревался сообщить через текст. текст. Это также может также объяснить, хотя я снова думаю о высказывании, которое мы рассмотрели, или о возможном ответе, когда автор мог бы сказать, столкнувшись с интерпретацией, хотя, опять же, у нас нет библейских авторов, с которыми можно было бы проконсультироваться, но, безусловно, случай может быть то же самое с библейскими авторами, но бывают случаи, когда автор может сказать, что я не хотел этого, но теперь, когда я это вижу, текст действительно имеет смысл, и я бы принял это как правильную интерпретацию моего прочтения.

Но даже в этом случае чтение все равно должно соответствовать тексту, грамматике, формулировке, структуре текста, тому, что мы можем знать об авторе, тому, что мы можем знать о читателях, и историческим обстоятельствам, в которых оно происходит. был произведен. Позвольте мне затем сделать лишь несколько заключительных замечаний по поводу намерений автора применительно к герменевтике или библейской интерпретации. Итак, прежде всего, что касается дополнительных размышлений, намерение автора означает, что не все идет в порядке

интерпретации, но даже там, где есть разногласия, все равно стремятся раскрыть, насколько это возможно, вероятное намерение автора.

Так, например, интерпретировать притчу Иисуса о несправедливом управителе в 16-й главе Евангелия от Луки как о слонах, жирафах или чем-то в этом роде явно выходит за рамки того, что могло быть задумано автором, учитывая предысторию текста. , и это очень крайний и глупый пример, но просто для того, чтобы показать, что существуют границы, и даже те, кто скажет, что намерение автора не является необходимым или действительным, все равно захотят найти границы, что притча Луки не о слонах и жирафах или чем-то еще похоже на это, но его следует понимать более последовательно с тем, что можно найти в тексте. Во-вторых, важно понимать, что намерение автора не состоит в том, чтобы вернуться к этой идее, возвращаясь к романтическому идеалу чистого текста или к просвещенному идеалу чистой индукции и способности прийти к смыслу, основанному просто на рациональном индуктивном методе. Это не является целью автора, но также и осознание, начиная с Канта и других, что мы действительно подходим к текстам с пресуппозициями и предрасположенностями.

Никто из нас не подходит к библейскому тексту с пустым умом, никто из нас не приходит с чистым листом, просто ожидающим, чтобы на него напечатали, никто из нас не является сухой губкой, просто ожидающей, чтобы объективно впитать данные, чтобы наша интерпретация соответствовала единому принципу. в одном и совершенном смысле со смыслом самого текста. Большинство, я думаю, поймут, что эта цель, вероятно, недостижима и, возможно, нелегитимна. Однако это не означает, что мы поэтому отнесены к свободной интерпретации, доступной для всех, или что угодно.

Но вместо этого наши предпосылки, наши богословские убеждения, наша вера, наше культурное происхождение — все это может быть подчинено тексту и оспорено им, что снова делает невозможным, может быть, исчерпывающее или полное восстановление значения текста, но мы все же можем сделав это, мы все равно сможем существенно и адекватно раскрыть замысел автора. Номер три: человек, который говорит: «Я просто сажусь и объективно читаю текст», вероятно, находится в худшем положении для понимания текста и, вероятно, подвергается большей опасности исказить текст, потому что, говоря что-то подобное, он не осознает, как их прежние убеждения, опыт и предрасположенности могут повлиять на текст. Человек, который начинает с своих предпосылок, своего багажа и всего, чем они являются, и переносит их в текст, вероятно, находится в лучшем положении, чтобы справиться с ними, в отличие от человека, который думает, что каким-то образом он может прийти к тексту с полной объективностью, поэтому не осознают, как их предпосылки и убеждения влияют на то, как они читают и интерпретируют текст.

И, наконец, в-четвёртых, интерпретация, особенно в свете замысла автора, не должна восприниматься переводчиком как просто пассивным наблюдателем текста, но вместо этого читатель, интерпретатор, является активным и творческим в раскрытии смысла. Переводчик активно применяет к тексту приемы перевода. Читатель должен интерпретировать текст, читать его и осмысливать.

Мы не просто губки, ожидающие впитывания данных, мы должны читать текст, мы должны творчески применять методы интерпретации и думать о тексте, чтобы прийти к вероятному пониманию замысла автора. Мы вступаем в диалог с текстом, позволяя ему бросить нам вызов, изменить нас и раскрыть нам свой смысл. Так как же это может выглядеть? Вкратце, в качестве резюме:

рассмотрение замысла автора означает рассмотрение текста в его древнем контексте.

Мы говорили об этом в связи с историко-критическим методом. Это означает узнать все, что можно, об авторе, его обстоятельствах и биографии. Это означает узнать все, что мы можем, о читателях, их обстоятельствах и биографии.

Это означает изучение окружающей их среды, исторической, культурной и политической среды, из которой вырос текст. Это значит смотреть на слова в свете того, что они значили бы во время написания текста. Это значит смотреть на грамматику текста.

Это означает, что нужно посмотреть на то, как структурирован текст, и посмотреть на все это, чтобы интерпретация была достоверной, она должна соответствовать этим критериям. Чтобы интерпретация была достоверной, она должна иметь смысл того, что известно об авторе. Оно должно иметь смысл в том, что известно о читателях.

Он должен учитывать исторический фон и обстоятельства, в которых был создан текст. Оно должно иметь смысл в грамматике текста, в формулировках, в структуре текста, в том, как он составлен. Любая интерпретация, которая должна быть правдоподобной, должна соответствовать этим критериям.

Итак, что можно обосновать из самого текста и что можно знать об авторе, читателях и их обстоятельствах — это вопрос, который необходимо задать, чтобы подтвердить нашу интерпретацию. Итак, учитывая некоторые из этих оговорок и учитывая это обсуждение, я буду исходить из предположения, что правильно начать с поиска задуманного автором смысла. Опять же, мы не читаем мысли автора или пытаемся раскрыть его мыслительный процесс.

Не то чтобы мы осознавали, что существуют трудности из-за исторических расстояний и из-за возможности не так ясно общаться, как хотелось бы, или из-за возможности неправильного понимания читателями. Также признаем, что у нас нет первоначального автора, с которым можно было бы проконсультироваться. Но даже учитывая все это и осознавая, что мы не можем полностью или исчерпывающе восстановить замысел автора, это не означает, что мы не можем сделать это существенно и адекватно.

Учитывая эти оговорки, намерение автора действительно является достойной и, я считаю, необходимой целью в нашей интерпретации. Теперь я хочу двигаться дальше и совершить большой скачок в нашем путешествии по методам интерпретации и герменевтике. На последних нескольких сессиях мы сосредоточили внимание на историко-ориентированных подходах, сосредоточив внимание на исторической критике и в рамках исторической критики на некоторых других критических замечаниях, которые развивали критику источника, формы и редакции.

Глядя на замысел автора, они обычно рассматриваются как попытки найти смысл или обнаружить деятельность интерпретации, стоящую за текстом, обращая внимание на историческое производство текста. Теперь я хочу сосредоточить наше внимание на рассмотрении самого текста как фокуса смысла или на взгляде внутрь текста. Это текстоцентрированные подходы к интерпретации.

Итак, мы рассмотрели исторически ориентированные подходы или подходы, ориентированные на автора. Теперь мы рассмотрим текстоцентрические подходы к интерпретации и при этом рассмотрим различные методы. Некоторые из них не полностью разорвали свои связи с вопросами автора и

истории, но по-прежнему сосредотачиваются главным образом на тексте как на готовом продукте.

Я включу и их. Я хочу рассмотреть ряд подходов, которые, похоже, заинтересованы исключительно в рассмотрении самого текста как объекта интерпретации и центра значения. Теперь из-за некоторых недостатков авторо-ориентированных подходов или авторских намерений, некоторых из тех, о которых мы упоминали совсем недавно при обсуждении авторских намерений, из-за некоторых недостатков или возражений против авторо-центрированных подходов к интерпретации, опять же исторически и логически видно, как герменевтика перешла, хотя и не всегда исключительно, но в целом от исторических и автороориентированных подходов к текстоориентированным подходам, а затем следующим этапом будут читательские подходы. Исторически и логически именно так развивалась герменевтика, как в литературоведении, так и в литературных дисциплинах, выходящих за рамки библейских исследований, но также и в библейских исследованиях.

И еще одна вещь, которую вы увидите, это то, что библеистика имеет тенденцию отставать от литературоведения, поэтому то, что часто делается для развития литературоведения или даже читательских подходов, библеистика обычно рано или поздно догоняет и начинает внедряться. некоторые из этих подходов. Поэтому я хочу рассмотреть некоторые текстоцентрированные подходы к герменевтике или библейской интерпретации, то есть подходы, которые находят смысл в самом тексте, и, как правило, опять же, исходя из некоторых недостатков автороцентрированных подходов, внимание теперь переключилось на сам текст. И это опять же особенно встречается в литературных подходах или в литературной критике.

Если вы когда-либо проходили курс литературной критики в университете, то теперь подобные подходы применяются и к библейским исследованиям. Всего лишь несколько наблюдений, связанных с литературными подходами или текстоцентрическими подходами, и снова моя цель не в том, чтобы потратить много времени на разработку литературного подхода и точное определение того, что он собой представляет, а скорее в том, чтобы познакомить вас с некоторыми характеристиками литературных подходов. к Ветхому Новому Завету, к библейской литературе. Прежде всего, литературные подходы, особенно по мере развития текстоцентрических подходов, часто отвергают автора как центр интерпретации.

Это связано со вторым наблюдением, поскольку только текст является единственным проводником значения и единственным проводником для понимания. Он был отрезан от своего автора, и теперь текст живет своей собственной жизнью. Таким образом, некоторых переводчиков интересует только структура самого текста, независимо от автора, создавшего его, или истории, которая его создала.

Они рассматривают текст в его нынешнем виде. Таким образом, исторические подходы больше рассматривают историческое создание текста как автора и исторические обстоятельства, создавшие текст, тогда как литературоведение часто рассматривает авторитет самого текста как руководство к пониманию. Таким образом, только текст является единственным путеводителем по смыслу.

Оно вырезано у автора. Это свободно перемещающаяся сущность, автономный текст. Третьей характеристикой литературного и текстоцентрированного подходов является то, что они обращают внимание на формальные особенности и структуру текста.

Они часто ориентируются на окончательную форму текста. Их часто не интересуют никакие источники или формы, предшествующие тексту, но, опять же, обычно они сосредотачиваются на конечном продукте, на окончательной форме текста в его нынешнем виде. Они не заинтересованы в выделении форм или раскрытии источников текста.

Четвертая особенность, особенно связанная с библеистическими исследованиями, — они склонны относиться к Библии как к литературе. То есть они задают, я имею в виду, что они задают те же вопросы, что и к любому другому литературному тексту. Те же вопросы, которые часто задают на курсах литературной критики текста, которые можно пройти, например, в университете.

Пятая и последняя особенность заключается в том, что исторические вопросы часто заключаются в скобки. Опять же, текст рассматривается как самостоятельная единица, и важен только мир, содержащийся в тексте. Мир, который находится в тексте, не так уж и затрагивает мир вне текста.

То есть литературные тексты часто рассматриваются как самореферентные, мир, созданный самим текстом, а не мир, к которому он относится вне текста. Итак, опять же, вы часто видите литературные исследования, не интересующиеся тем, был ли определенный персонаж в повествовании историческим или нет, или произошло ли определенное событие на самом деле. Их это не интересует.

Их просто интересует сама структура повествования, структура самого мира внутри текста, а не какой-то мир вне текста, к которому может относиться текст. Очень часто исторические вопросы заключаются в скобки, а текст рассматривается как самостоятельная, самостоятельная единица. Но внутри этого существует большое разнообразие подходов.

Я хочу просто привести вам пример нескольких подходов, которые я собираюсь очень широко отнести к литературным подходам или, более широко, к текстоцентрическим подходам. Обычно считается, что литературные подходы к Ветхому Новому Завету возникают на основе так называемого формализма или новой критики, которая фактически возникла в 1920-х годах. Опять же, как я уже сказал, часто библейские исследования догоняют то, что делается в других дисциплинах.

Но формализм, или новая критика, часто является тем, о чем думает большинство людей, когда думают о литературной критике, будь то любой другой текст или библейский текст. И опять же, характерными чертами формализма было то, что текста достаточно для создания смысла. Опять же, текст самодостаточен.

Это автономно. Он оторван от автора, поэтому не задает вопросов об авторе, о том, почему автор написал и об исторических обстоятельствах, которые это породили. Текст самодостаточен для создания смысла.

Во-вторых, исторические вопросы обычно выносятся за скобки. Опять же, мы упоминали об этом раньше, потому что мир текста самореференциален. Оно содержится в тексте.

Их не интересует мир за пределами текста, к которому этот текст может относиться. Формализм также уделяет внимание эстетическому интересу и литературному артистизму. Другими словами, для библейских исследований это означало бы обращение с текстом так же, как с любым другим текстом.

Так, например, можно рассматривать библейское повествование, библейский текст, такой как текст Иова. Можно было бы читать книгу Иова и не

беспокоиться об авторстве, о том, кто написал книгу, о дате или месте написания. Никого не интересовал бы вопрос о том, был ли Иов реальной личностью или нет, исторической личностью, были ли события, о которых записано в книге, событиями, которые действительно произошли, или реальны ли друзья, которые давали ему советы, или нет.

Никто не будет обеспокоен тем, были ли они настоящими ораторами, а, скорее, нас будут интересовать только литературное мастерство и литературная структура самого текста, а также влияние, которое он оказывает на читателя, и то, как персонажи изображены в тексте. себя и то, как они связаны друг с другом. Сюжет рассказа, основная точка зрения, вопросы такие. Те же вопросы, которые можно задать к любому литературному произведению.

И по понятным причинам этот подход прижился и в повествовании, и в поэтическом тексте. В Ветхом Завете особенно старопоэтический текст, повествовательный текст. В Новом Завете евангелия и повествовательные формы, такие как притчи, были логичным местом, где это прижилось.

Возможно, одно подмножество или один тип формализма или литературной критики — это то, что известно как нарративная критика. Мы также поговорим немного об этом применительно к Ветхому Новому Завету. Но опять же, приведу всего лишь пару примеров, очень и очень кратко, и снова, возможно, я уделю немного больше внимания Новому Завету по причинам, которые я изложил ранее.

Но в Ветхом Завете, например, в Бытие 1 и 2, мы сказали, и я приведу пару примеров, и что, возможно, для сравнения того, как они могли бы, трактовка их при литературном подходе могла бы сравниваться или контрастировать с например, как к ним можно было бы относиться, используя более исторически

ориентированные подходы. Итак, что касается Ветхого Завета, мы кратко поговорим о главах 1 и 2 Книги Бытия, а также о сопоставлении двух повествований о творении. Из-за различий в стиле, словарном запасе и перспективе более старый исторически ориентированный подход задавал бы вопрос о том, какие источники лежат в основе этих двух историй творения, и может даже пойти дальше и спросить о дате и месте действия эти две истории.

Но попытка заключалась бы в том, чтобы реконструировать источники, лежащие в основе двух описаний творения в Бытие 1 и 2, и отнести их к правильным источникам, источнику J или источнику E или чему-то еще, что лежит в основе истории творения в Бытие 1 и 2. Бытие 1 и 2. Вместо этого повествовательный или литературный подход к этому тексту вместо этого указывал бы на литературное единство текста и говорил, и что иногда интересно, те же данные, которые критики источников использовали бы для анализа документа, могли бы быть использованы литературными критиками, чтобы продемонстрировать единство и внутреннюю работу текста. Так что литературный подход подчеркивал бы единство, литературное единство текста. Он мог бы затронуть темы воды, творца, земли, семени, проклятия и благословения, а также роли, которую они играют в Бытие 1 и 2, а также в остальной части книги.

Вместо того, чтобы задавать вопросы о том, что этот текст может сказать о фактическом творении, сотворил ли Бог мир за семь буквальных дней, или это был более длинный день или теория разрыва? Что это говорит онтологически о реальном процессе творения? Опять же, исторически сложилось так, что некоторые могли бы вместо этого исследовать эти темы и то, как они функционируют, и снова изучить литературное мастерство текста. Вместо того, чтобы задавать вопросы автору, приводятся другие источники, соответствует ли это и насколько это соответствует реальному творению Вселенной. Итак, просто

рассматривая текст как литературное единство и рассматривая структуру и внутреннюю работу самого текста.

Или другой пример, короче, книга Руфи. Опять же, можно исследовать книгу Руфи, читая ее просто как историю, не задавая снова вопросов об историчности персонажей и не задавая вопросов о любых источниках, которые могли быть использованы, или задавая исторические вопросы о том, как этот текст функционировал. Но вместо этого они могут задавать вопросы о сюжете, сюжете рассказа, развитии персонажей и читать рассказ ради его эстетического воздействия на читателя.

Опять же, подобные традиционные вопросы часто задаются в контексте литературной критики. Итак, еще раз, я мог бы умножить примеры в Ветхом Завете, особенно повествовательных текстов, но и других текстов, которые рассматриваются глазами литературной критики или формализма. Опять же, просто рассматривая текст как произведение литературы, задавая вопросы о его структуре, его развитии, рассматривая его как самодостаточный мир в тексте, а не столько мир вне текста, вынося в скобки вопросы история и т. д.

Просто рассматриваю это как литературное произведение. В Новом Завете, в Новом Завете, литературная критика также прижилась преимущественно в Евангелиях, хотя литературная критика выходила за рамки повествовательной литературы и Евангелий. Но я хочу немного взглянуть на Евангелия позже, когда мы будем говорить о нарративной критике.

Но позвольте мне упомянуть один пример литературной критики в Новом Завете, о котором мы уже говорили. Это притчи Иисуса. Мы предположили, что притчи Иисуса можно рассматривать как ограниченные аллегории, то есть

истории, имеющие одно, два или три основных значения в зависимости от главных героев истории.

Притчи, похоже, стали плодотворной областью изучения литературной критики, поскольку притчи действительно кажутся вымышленными историями. То есть, хотя они и реалистичны, Иисус никогда не утверждает, что рассказывает истории, которые действительно произошли исторически, но, похоже, опирается на общие истории, чтобы сообщить истины о своем учении, своем служении и Царстве Божьем. Однако литературная критика уделяет пристальное внимание таким вещам, как структура и эстетика притч.

Например, мы уже видели, что притчи можно рассматривать по тому, являются ли они монадическими, т. е. с одним главным действующим лицом, двойственными, с двумя главными действующими лицами, или троичными, с тремя главными действующими лицами. И даже иногда, даже когда у вас есть три главных героя, литературные критики задаются еще одним вопросом: все ли персонажи играют одинаковые роли, есть ли у вас фигура-посредник с двумя другими персонажами на том же уровне власти или структура более вертикальна? , где у вас есть авторитетная фигура и другие фигуры под этим человеком, например хозяин со слугами. Поэтому они задают вопросы о структуре притчи, о том, как действуют персонажи и как они составлены вместе.

Некоторые задаются вопросом об эстетической природе притч. Интересно, что многие притчи содержат в себе нереалистичные элементы. Мы уже видели, что в притче о блудном сыне нереально, чтобы отец, подобный отцу из притчи в первом веке, выбежал бы приветствовать своего сына.

Поэтому иногда кажется, что притчи имеют изюминку и имеют эстетический эффект и привлекательность во время чтения притчи. Иногда притчи даже

маркируют, трагические они или комические. То есть, поднимается ли сюжет притчи, а затем падает, или это было бы трагично, когда фигура встречает трагический конец, или же притча опускается вниз, чтобы иметь в себе, казалось бы, печальный элемент, но затем она поднимается, чтобы иметь положительный финал для героя рассказа.

Поэтому притчи часто классифицируют по тому, являются ли они более комическими или трагическими. Так что литературная критика, по крайней мере с помощью притч, часто может помочь нам увидеть, в чем заключаются основные моменты, увидеть, как построен рассказ и как он работает, и даже оказать влияние и на читателей. На следующем занятии я, возможно, хочу рассмотреть еще один пример литературной критики из Нового Завета, а затем перейти к более специфической особенности литературной критики, известной как нарративная критика, и изучить, что это такое и что такое. да, как оно использовалось и как оно может помочь в интерпретации повествовательной литературы в Ветхом Завете, а также в Новом Завете.